УДК 930

ББК 63.3(2)53

DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-100-106

А. А. Иванов, С. И. Кузнецов

ДОКУМЕНТЫ ГАИО О СОЗДАНИИ В НАЧАЛЕ XX в. В КИТАЕ И ЯПОНИИ ЦЕНТРОВ ПОДДЕРЖКИ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Приведены документы Государственного архива Иркутской области, рассказывающие о поездке начальника Иркутского губернского жандармского управления полковника Васильева в Японию и Китай в 1913 г. В обширном докладе по итогам поездки Васильев точно описывает внутривнутриполитическую ситуацию в этих странах, а также подробно рассказывает о связях японских и китайских оппозиционных кругов с революционерами-эмигрантами из России.

Ключевые слова: Иркутск, революционная эмиграция, политические движения в Японии и Китае.

A. A. Ivanov, S. I. Kuznetsov

DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE IRKUTSK OBLAST ON THE ESTABLISHMENT OF THE CENTERS OF SUPPORT FOR THE RUSSIAN REVOLUTIONARY MOVEMENT IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY IN CHINA AND JAPAN

The article presents the documents of the State Archive of the Irkutsk Oblast about the trip of the head of the Irkutsk provincial gendarmerie Department, Colonel Vasiliev, to Japan and China in 1913. In an extensive report on the results of the trip, Vasiliev accurately describes the internal political situation in these countries, and also talks in detail about the ties of Japanese and Chinese opposition circles with revolutionaries-emigrants from Russia.

Keywords: Irkutsk, revolutionary emigration, political movements in Japan and China.

Начало 10-х гг. XX в. в Восточной Сибири, как и во всей стране, отмечалось непростой внутри- и внешнеполитической ситуацией. Революционное движение в соседнем Китае, нарастание стачечного движения в самой России, массовые забастовки в Петербурге, Москве, в промышленных центрах в связи с Ленским расстрелом 1912 г. Обстановка требовала от власти активизации не только репрессивной, но и контрреволюционной и контрразведывательной деятельности. Еще в 1902 г., в соответствии с решением правительства, для более эффективной борьбы с противниками государственной власти, в т. ч. и для более действенного контроля за политической ссылкой, а также надзора за иностранцами в Иркутске было создано охранное отделение Департамента полиции. Иркутская охранка и жандармы сумели осуществить ряд акций против революционеров и предотвратить ряд побегов политических ссыльных, однако остановить развитие событий были, естественно, не в силах.

Другой важной задачей руководителей Иркутского региона в сфере обеспечения государственной безопасности являлся сбор разведывательной информации о сопредельных Сибири территориях на юго-востоке. Значимость разведки особенно возрас- тала в связи с их почти полной неизученностью, отсутствием реальных представлений

ИВАНОВ Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: ottisk@irmail.ru.

КУЗНЕЦОВ Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: ski@home.isu.ru.

о Китае и политических намерениях его правителей, активизацией японской политики в Северном Китае.

После Русско-японской войны началась модернизация военной разведки. В частности, в 1906 г. приграничную разведку возложили на военные округа. В зону квартирмейстерской части штаба Иркутского военного округа вошли Монголия, Маньчжурия и Северный Китай. Разведывательные сведения поступали в штаб округа из трех основных источников и прежде всего через негласную агентуру. Как отмечал командующий Иркутским военным округом генерал В. Н. Никитин, «к концу 1911 г. в постоянное прикомандирование к штабу округа прибыло 8 офицеров-восточников (владевших восточными языками. – *Прим. авт.*). Благодаря этому явилась возможность развить секретную разведку в сопредельных странах и придать необходимую организацию этому важному делу, а также и разведывательному отделению окружного штаба» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 360. Л. 7].

Вторым источником поступления развединформации являлись непосредственные поездки офицеров штаба округа в зону своей ответственности с целью наблюдения и изучения иностранных войск, районов их дислокации, крепостных укреплений, транспортных коммуникаций и т. п., а также для военно-топографического изучения и описания вероятных театров военных действий в приграничных районах. Для выполнения заданий планировались самые разнообразные предлоги: участие в маневрах, в научных экспедициях Русского географического общества, поездки на охоту, в отпуск, для изучения иностранных языков и т. п., как официально, так и неофициально по фиктивным документам.

Третьим каналом получения разведывательной информации являлось изучение и анализ периодической печати стран Дальнего Востока. На его основе штаб Иркутского военного округа с 1909 г. регулярно публиковал рефераты дальневосточной периодической печати, в которых помещались материалы об экономике, внутреннем положении дальневосточных стран, монголо-китайских противоречиях, численности, дислокации и состоянии японских, китайских и монгольских войск.

Опасения по поводу возможного проникновения революционных элементов в страну испытывали и японские власти. Перед лицом общей угрозы 19 июня 1911 г. в С.-Петербурге был заключен русско-японский договор о взаимной выдаче преступников. Этот документ, подписанный видными дипломатами Н. А. Малевским-Малевицем и Комура Дзютаро, был еще одним свидетельством сближения России и Японии в политической, экономической, культурной и духовной сферах. Стороны договорились «взаимно выдавать... лиц, укловившихся от правосудия, кои, будучи обвиняемы в преступлениях и проступках... или будучи приговорены за таковые преступления и проступки, – будут обнаружены на территории другой стороны» [Известия... 1912: 13].

Этот договор, который, конечно, имел большое значение для будущего развития двусторонних отношений, на первый взгляд, не был чем-то особенным. Однако одновременно с ним был подписан другой документ, который можно расценить как совершенно иной уровень взаимного доверия. Речь идет о секретном соглашении – декларации России и Японии «о борьбе с противогосударственными элементами» от 19 мая 1911 г. Декларация отвечала интересам обеих сторон и была адекватным ответом на те вызовы, с которыми столкнулись русские и японские власти после Русско-японской войны и русской революции 1905 г. Россия опасалась повторения событий 1905 г. и не без основания подозревала Японию в будущей их поддержке. К тому же многие русские социалисты-революционеры и анархисты временно укрылись в Японии [ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 507. Л. 4–7].

Еще во время Русско-японской войны и в первые послевоенные годы в нескольких японских городах возникли русские издательские предприятия, соответственно резко расширились масштабы распространения печатной продукции на русском языке. Десятки тысяч русских военнопленных в Японии получали книги, брошюры и периодические издания благодаря представителям православной церкви, русской общественности, социал-демократам и эсерам. Практически все очаги свободного русского слова в Японии были связаны с деятельностью доктора Русселя (Н. К. Судзиловского). Он

был основным инициатором и организатором выпуска и распространения бесцензурных русских изданий в Нагасаки, Кобе, лагере военнопленных Хамадера близ Осаки и других местах.

Исход Русско-японской войны оказал сильнейшее воздействие на Китай, где начался подъем не только националистического, но и оппозиционного движения. К середине 1905 г. ведущими революционными организациями в Китае были Синчжунхой (Союз возрождения Китая) во главе с Сунь Ятсеном, «Союз обновления Китая» во главе с Хуан Сином и Сун Цзяожэнем и Союз возрождения славы Китая. С объединением этих трех структур летом 1905 г. в Токио возник Тунмэнхой (Объединенный союз, Союзная лига).

Идеологическими противниками революционеров в эмиграции были реформаторы, а в самом Китае – конституционалисты. Свою малочисленность и слабость революционеры пытались компенсировать опорой на тайные общества. Упор делался на тактику заговоров и организацию локальных восстаний с использованием членов тайных обществ в качестве боевых дружин. При этом русской революционной эмиграции была отведена своя роль.

Естественно, что такая обстановка в Китае и Японии приковывала пристальное внимание российских и, в первую очередь, восточно-сибирских спецслужб. Яркой иллюстрацией тому могут служить приводимые ниже материалы.

Публикуемые документы хранятся в Государственном архиве Иркутской области, в фонде 600 «Иркутское губернское жандармское управление». Все материалы этого дела имеют гриф «Совершенно секретно» и состоят из внутриведомственной переписки чинов жандармского ведомства – запросов, рапортов, отчетов, политических обзоров, составленных на широкой региональной основе, что особенно ценно. Листы дела, подобранного в 1913 г. работниками ИГЖУ (и вошедшего в фонд ГАИО под № 1160), представляют в основном машинописные тексты, выполненные на стандартной писчей бумаге с пометами от руки карандашами различных цветов. Основной текст доклада жандармского полковника Васильева публикуется с большими извлечениями, связанными с заданным объемом подобных публикаций в журнале. Документы оформлены в соответствии с Правилами издания исторических документов в СССР (М., 1990). В документах применяются общепринятые сокращения, составители руководствовались современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности сохранены. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения, исправлены без оговорок. Пропущенные в тексте документов и восстановленные слова, части слов заключены в квадратные скобки. Сохранены дореволюционные географические наименования.

Документ № 1

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. № 1598.

7 ноября 1913 г.

Г. Директору Департамента полиции (по особому отделу)

Представляю при сем Вашему Превосходительству доклад о поездке моей в Японию и Китай с 12 сентября по 15 октября сего года.

Подлинное подписал

Полковник Васильев (подпись).

С подл. верно

Ротмистр Коробчаков (подпись).

[ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1160. Л. 139].

Документ № 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. № 1599.

7 ноября 1913 г.

Приамурскому генерал-губернатору

Представляю при сем Вашему Высокопревосходительству копию доклада моего директору Департамента полиции о поездке моей в Японию и Китай в текущем году.

Подл. подписал

Полковник Васильев (подпись).

С подл. верно
Ротмистр Коробчаков (подпись).
[ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1160. Л. 140].

Документ № 3

ДОКЛАД

начальника Иркутского губернского жандармского управления
полковника Васильева о поездке его в Японию и Китай
с 12 сентября по 15 октября 1913 года.

Летом 1913 г. в районе получены были из разных источников отрывочные, политического характера сведения, касающиеся Сибири, суть которых сводилась к следующему:

1) Оживление революционной деятельности в Европейской России, ряд серьезных экономических забастовок, некоторые короткие политические стачки и т. п. всколыхнули находящиеся в Сибири многочисленных политических ссыльных, которые решили всеми мерами помогать начавшемуся движению. Между прочим, было признано, что работу надо начать и в Сибири и что для этого необходимо водворять сюда нелегальную литературу. Обычный путь такого водворения с запада, из Европейской России, признан неудовлетворительным, по огромности его протяжения и большого риска для успешного проследования тюков с литературой по местам, где имеются организованные розыскные учреждения. Поэтому высказано было пожелание установить технику где-либо за восточными границами России, в Японии или Китае, с тем чтобы такая типография снабжала подпольными изданиями всю Сибирь. Такой путь намного короче западного, а следовательно, безопаснее, кроме того, здесь значительно слабее полицейский надзор.

2) Водворение литературы из восточных стран в пределы Сибири может идти уже готовым путем, по которому ныне следуют беглые политики, скрывающиеся из мест ссылки в Китае и Японии.

3) Китайские революционеры ищут связей с русскими в целях взаимной помощи и поддержки в конспиративных делах.

4) В Японии обучаются в учебных заведениях дети некоторых богатых якутов, которые потом, возвращаясь на родину, ведут там деятельную агитацию в пользу Японии.

Для обследования упомянутых четырех вопросов на месте, в Японии и Китае, я выехал в означенные государства и пробыл там более месяца. Выполнение сказанного поручения оказалось, однако, чрезвычайно трудным в силу непонятности языка и письменности японцев и китайцев, отсутствия хоть какой-либо предварительной разработки поставленных вопросов, отсутствия агентуры на местах, особой подозрительности японцев, видящих в каждом русском военного разведчика.

По первому вопросу удалось установить, что в конце августа месяца в Нагасаки приезжал из Австралии русский политический эмигрант Писаренко, состоящий ныне английским (собственно, австралийским) подданным, женившийся там на англичанке. Он был в Нагасаки с женою, якобы по делам какой-то торговой фирмы, присматривал для покупки всякий товар, но ничего не купил и уехал в Кобэ. Японская полиция не доверяет намерению Писаренко заняться торговым делом, а усматривает в его поездке по Японии какие-то скрытые цели, по-видимому рекогносцировку.

Находясь в Нагасаки, Писаренко, между прочим, посетил там дом № 17 по Минами-Ямате, где поселились недавно бежавшие из Китая видные члены революционной партии Го-минь-дан, руководимой известным доктором Сун-ят-сеном и стоящей в оппозиции нынешней правительственной партии Цзинь-бу-дан, руководимой Юань-ши-каем.

В сказанном доме № 17 поселился с 14 сентября сего года приехавший из Шанхая китаец Ко-эй-хо с женою, но есть предположение, что это имя вымышленное, в действительности же прибывший есть Хаку-ю-квань, видный член парламента и редактор какой-то газеты. Необходимо отметить, что Ко-эй-хо прибыл в Нагасаки на японском пароходе «Косуга-мару» и нашел себе приют в доме капитана этого парохода.

По той же улице Минами-Ямате в домах № 21 и 22 проживают еще другие члены разбитой теперь в Китае партии Го-минь-дан, а именно: член парламента Шу-син-лин, его приятель Чжин-сэ-ки, китайцы: Хаку-буи-узу, Ко-эй-дзио, Ли-му-кин, Чжиа-лин-цзы и генерал Лин-ко. Все они прибыли в Нагасаки в августе – сентябре месяцах сего года после подавления второй революции в Китае нынешним его президентом Юань-ши-каем.

Ввиду того, что Ко-эй-хо состоит членом революционной партии Го-минь-дан, в которой играет видную роль, необходимо отметить посещение его нашим политическим эмигрантом Писаренко.

После объезда последним Японией, туда, по полученным сведениям, ожидаются революционеры: доктор Руссель из Минданао на Филиппинских островах, Борис Дмитриев Оржих из Чили и Канегиссер из Австралии.

Совокупность сведений о названных эмигрантах показывает как будто их намерение сгруппироваться где-либо в Японии, что может служить подтверждением сведений по вопросу первому.

В Нагасаки говорилось также, что Писаренко может проехать из Кобэ в Токио или Иокогаму, где живет бежавший из Читы после тамошних событий 1905 г. военный инженер Константин Полинов (теперь сотрудник «Нового времени»). В самом же городе Нагасаки в настоящее время никто из русских эмигрантов не проживает; все они под давлением японской полиции выехали в Австралию или на Филиппины.

Во время пребывания моего в Японии там проезжал по некоторым городам одессит, некий Виктор Михайлович Яковлев, называвший себя кандидатом естественных наук, который побывал в Австралии, на Филиппинах и в Новой Зеландии и об этом своем путешествии читал лекции в тех местах, где, как он говорил, было достаточно русских, например на Филиппинах. Яковлев указывал свой адрес: Спиридоновская, № 8, кв. 8.

По вопросам второму и третьему в Японии не получено никаких данных, кроме имеющего, по-видимому, значение вышеупомянутого посещения русским эмигрантом Писаренко члена Китайской революционной партии китайца Ко-эй-хо.

Означенные вопросы были освещены до некоторой степени после в Китае, собственно в Шанхае.

Прибытие мое туда для собирания нужных справок оказалось по времени весьма неблагоприятным, так как китайский город еще находился в осажденном положении и был занят войсками Юань-ши-кайя, а население еще не успокоилось от пережитых ужасов революции и сторонилось незнакомых людей. При наличности этих неблагоприятных условий все же удалось определенно узнать, что несколько месяцев тому назад китайские газеты в Шанхае, преимущественно представлявшие интересы революционной партии Го-минь-дан, в течение двух-трех месяцев помещали ядовитые статьи против русского правительства и призывали своих сочленов соединиться с русскими революционерами для взаимной поддержки в борьбе с врагами. Полемика эта вызвана была как действиями России в Монголии, так и намерениями ее присоединить якобы северную Маньчжурию. К сожалению, разгром китайского Шанхая не дал возможности разыскать номера указанных газет, но выход упомянутых статей подтвердил наш генеральный консул.

Ввиду того, что русский консул в Шанхае обладает правом выселять из города в Сибирь порочных русских граждан, политические эмигранты опасаются долго проживать в Шанхае, делают там обычно непродолжительную остановку и уезжают в Австралию или на Филиппины.

Из серьезных русских революционеров теперь живут в Шанхае: какой-то бывший офицер, присвоивший себе фамилию Гржибовский (он же Джирабовский), снимающий комнату у еврея-торговца Канторовича, по Квинсенроад, № 29. Он хорошо изучил английский язык, что помогает ему зарабатывать необходимые для жизни средства. Мещанин местечка Носовичи, Гомельского уезда, Могилевской губернии, Мовша Мордков Добкин, который проживает ныне нелегально под именем Константина Попова, имея на это имя паспортную книжку от 17 апреля 1897 г. за № 95, но кем она выдана, установить не удалось. Добкин около семи лет служит в китайской морской таможне, куда поступил под именем Константина Попова и где по настоящее время известен под этой

фамилией. О выяснении личности Попова-Добкина наш консул ведет теперь переписку. Присяжный поверенный Евгений Степанович Струменский, скрывшийся из Кишинева лет 6 тому назад, из опасения ареста прибывший в Шанхай и там обосновавшийся. Этот Струменский находится в сношениях с упомянутым бывшим офицером Гржибовским и каким-то служащим Шанхайского отделения Русско-Азиатского банка. Тот же Струменский, как это стало ныне мне известно из вполне достоверного источника, в 1908–1909 гг. водворил в пределы Сибири через Владивосток и Куаньченцзы несколько транспортов революционной литературы, издававшейся тогда в Японии (газета «Воля»). В том же Шанхае, по улице Брод-Вей, содержит гостиницу и там проживает еврей Виткоп, занимающийся торговлей живым товаром. В гостинице этого же Виткопа находят себе временный приют бегущие из Сибири политические преступники. Остановившись в этой гостинице, они обращаются через Виткопа к Струменскому, который дает им явки к видным русским партийным эмигрантам в Австралию или Америку. В случае необходимости для Струменского поведаться с кем-либо из эмигрантов он встречается с ними или у Виткопа, или же в гостинице «Савойя». Более интересных беглых из Сибири политиков Струменский передерживает даже у себя, предоставляя им временные занятия писцов в своей конторе. Путем негласных справок мною установлено, что названный Струменский преднамеренно сблизился с нашим генеральным консулом и другими чинами консульства, чтобы узнавать от них о всех распоряжениях русского правительства, касающихся русских политических эмигрантов.

В Шанхае же мне удалось установить, что некоторое количество наших политических беглых проживает в Ханькоу, где они устроились на русской концессии у различных коммерсантов. Между прочим, там проживает, под именем Богушевича-Садковского, какой-то офицер с большим революционным прошлым, бежавший из Читы. Судьба этого офицера чрезвычайно интересна: скрывшись из Читы, он прибыл в Ханькоу и так понравился местному консулу, что был назначен полицеймейстером в русской концессии, в каковой должности и пробыл некоторое время. Приблизительно в 1908 г. нелегальность Богушевича-Садковского как-то неожиданно открылась, вследствие чего он бежал из Ханькоу в Австралию. Там он принял английское подданство, после чего вновь вернулся в Ханькоу, где проживает и по настоящее время, состоя на службе в какой-то чайной фирме.

По вопросу о водворении нелегальной литературы в Сибирь по готовому уже пути, по которому следуют бегущие за границу русские наши ссыльные, мною определенно установлено следующее: в городе Дальнем (по-японски Дайрен) основана богатым англичанином пароходная компания «Унион», которая, между прочим, занимается перевозкой эмигрантов на Филиппины, в Австралию и Америку. Сам владелец фирмы занимается исключительно пароходами, а все дела по привлечению эмигрантов он предоставил своему помощнику, каковым состоит бежавший из России видный социалист-революционер Иван Дмитриевич Смирнов (он же Моисеич), сын придворного протоиерея. В том же Дальнем проживает легально русский интеллигент некий Вячеслав Никанорович Ручьев, содержащий гостиницу «Ориенталь», которая состоит в соглашении с конторой «Унион» и приняла на себя обязательство давать временный приют тем эмигрантам, которых укажет контора. Кроме «Ориенталья» беглые русские политики находят себе приют также в гостинице «Москва». В том же Дальнем живет постоянно и состоит врачом английского консульства бывший народоволец, участвовавший в покушении на императора Александра II, доктор Александр Николаевич Краковский, который после означенного покушения находился в Швейцарии и участвовал в издании тогдашней революционной литературы. Говорят, что Краковский – это псевдоним, а настоящая его фамилия какая-то другая; теперь он английский подданный. В 1910 или в 1911 году Краковский ездил в Россию и в Петербург, но его там стесняла чем-то полиция, а потому он обращался в английское посольство за поддержкой, после чего его оставили, будто, в покое. Доктор Краковский находится в сношениях и некоторой близости с вышеупомянутым Иваном Дмитриевичем Смирновым.

Мне удалось получить визитные карточки Краковского и Смирнова, каковые к сему прилагаю. Отделение вышеуказанной конторы «Унион» находится у нас в Харбине

и оно-то служит тем пунктом, куда впервые является бегущий из Сибири политический преступник. Там ему дают явку в японский городок Чанчун, находящийся при окончании южной ветки нашей Китайской Восточной железной дороги, к еврею Шапиро, содержащему там чайный домик и гейш и состоящему в то же время агентом эмигрантской конторы «Унион»; Шапиро, в свою очередь, посылает явившегося в Дайрен к упомянутому выше Смирнову, а сей последний отправляет беглого или на Филиппины к доктору Русселю, или в Шанхай к присяжному поверенному Струменскому.

Вот по этому-то пути и через тех же лиц, но только в обратном порядке (из Шанхая или Нагасаки на Дальний и Харбин) предположено направлять транспорты нелегальной литературы. <...>

Переходя к вопросу о намерении китайских революционеров войти в сношение с русскими организациями, необходимо иметь в виду, что сведения эти находят себе подтверждение в периодической китайской печати, именно в тех шанхайских газетах, о которых было сказано выше. Кроме того, харбинская агентура установила, что в последних числах августа сего года в китайский город Фудзянь, находящийся рядом с Харбином, прибыл откуда-то с юга Китая сотрудник какой-то газеты, член революционной партии Го-минь-дан, китаец Тун-сен, со специальной целью завязать сношения с русскими революционерами в Харбине и получить от них явки на Россию или, в крайнем случае, на Сибирь. Фудзянь, несмотря на недавнее свое возникновение, сильно разросся, имеет свыше 50 тысяч населения и представляет значительный умственный центр: там издается несколько газет, в т. ч. «Тун-цхуй-бао», направления умеренно-оппозиционного (вроде наших кадетских газет) и «Минь-тянь-хуа-бао» – левого направления.

Тун-сен прожил в Фудзяне почти до середины сентября, завел там некоторые полезные знакомства и получил явку в Томск. В конце декабря или в начале января Тун-сен обещал снова приехать в Фудзянь с теми же целями. В свою очередь, Тун-сен указал явку на Пекин состоящему в Министерстве народного просвещения профессору Ван-сун-ли. Таким образом, поездка в Фудзянь китаец Тун-сена, состоящего членом революционной партии Го-минь-дан, и посещение русским эмигрантом г. Писаренко члена той же партии китаец Ко-эй-хо в Нагасаки, несомненно, подтверждают полученные мною сведения о намерении китайских революционеров войти в сношения с русскими единомышленниками. Необходимо заметить, что в Китае имеется много просветительных и коммерческих обществ, давно устроивших отделения в северной Маньчжурии и нашем Приамурье. Члены таких обществ находятся в постоянных сношениях и через них весьма удобно завязать связи революционерам китайским с русскими. <...>

Полковник Васильев.

[ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1160. Л. 141–145а].

Источники

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 25, оп. Оц., д. 507; ф. 600, оп. 1, д. 1160.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): ф. 2000, оп. 2, д. 360.

Известия Министерства иностранных дел. Кн. 2. – СПб., 1912. – 268 с.

Путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области: в 2 ч. Ч. 1: Досоветский период / сост. Ю. П. Колмаков, Е. А. Луговская, Н. В. Чичкова (отв. сост.) и др. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 548 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 25, op. Oc., d. 507; f. 600, op. 1, d. 1160.

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA): f. 2000, op. 2, d. 360.

Izvestiya Ministerstva inostrannyh del. Kn. 2. – SPb., 1912. – 268 s.

Putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arhiva Irkutskoj oblasti: v 2 ch. Ch. 1: Dosovetskij period / sost. Yu. P. Kolmakov, E. A. Lugovskaya, N. V. Chichkova (otv. sost.) i dr. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – 548 s.